

Мария Фомальгаут

Тайны Таймбурга

Мария Фомальгаут Тайны Таймбурга

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24310057

ISBN 9785448527135

Аннотация

...итак, дорогие туристы, для начала мы с вами отправимся в глубокое прошлое, когда на месте Таймбурга темнел непролазный лес, в чаще которого завывали тёмные духи. Пройдите по этому лесу, дорогие гости, посмотрите, увидите злых духов – у них ничего не покупайте, они заломят цену втридорога, пожалейте бедную цену. А если вам скажут, что в лесу много сов, вы не верьте, у нас тут много не сов, а ча-сов, только ча не видно за ча-щей.

Содержание

Ещё не стёртая книга	5
Деревянная железная дорога	8
В ночь	23
На реке Ва	31
Где я не был	35
Догоняющий сон	40
Лхаса	43
1%	51
Парламент	58
Невзятые ключи	67
Идут часы	70
Реконструкторы	75
Посередке	78
Коллапс	87
Конец ознакомительного фрагмента.	102

Тайны Таймбурга

Мария Фомальгаут

Иллюстратор Мария Фомальгаут

© Мария Фомальгаут, 2017

© Мария Фомальгаут, иллюстрации, 2017

ISBN 978-5-4485-2713-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Ещё не стёртая книга

Автор нашумевшего бестселлера уникально сочетает, ка-

залось бы, несочетаемые вещи: белковую жизнь и интеллект, планету в ореоле кислорода – и живые организмы на ней, притяжение планеты – и животных, которые не только стоят вертикально, но и вертикально передвигаются.

Раскрываешь книгу, начинаешь читать, и то и дело восклицаешь – нет, так не бывает. Но постепенно читаешь, втягиваешься – и начинаешь верить. И уже не удивляешься, что белковая материя добывает из глубины планеты металл, чтобы создать неживое подобие себя самой, чтобы копать землю не своими лапками, а силой мертвых механизмов. И уже не возражаешь автору, что не может разумная жизнь одновременно менять под себя мир, как ей вздумается и молиться богам. И уже не удивляешься, что будь у цивилизации в реальности оружие, способное эту цивилизацию уничтожить – долго бы она не просуществовала.

Уникальная книга обеспечит вам полное погружение в удивительный мир, созданный автором. Напоминаем, книга будет издана в двух форматах – обычном бумажном и пять-дэ. Читатель может на собственном опыте испытать описанную в книге удивительную историю, пройти от дыма костров в стойбищах до гнущихся телефонов. И снова удивляешься безудержной и немножко безумной фантазии автора, и снова спрашиваешь себя, как герои могли согреть свои дома огнем, если дома от этого огня могли загореться. И зачем нужно впихивать в переговорное устройство еще и видеочкамеру, и машину для измерения времени, и много

еще что. И... признаешь, что так оно все и есть, и нужно напихать в переговорник много всего, а сгораемый дом согреть пламенем.

Следует напомнить, что книга защищена от пиратских посягательств: по истечению трех миллионов лет каждый экземпляр будет стерт.

Деревянная железная дорога

– А там пацаны на стройку залезли...

– ...да ну, ты уже рассказывал, он с крана там навернулся!

– Да не... то другое... там пацаны на стройку пошли в заброшенный дом...

– Так на стройку или в дом заброшенный?

– Да бли-и-и-н, стройку строили-строили и бросили на хрен, чё непонятно-то? Бабла не хватило, вот и бросили!

И вот, пошли они ночью...

– А на пятницу тринадцатое?

– Ну, хошь, так на пятницу тринадцатое...

– А на полнолуние?

– Ну, хошь, так на полнолуние пусть будет.

А на Хэллоуин?

– Ну, хошь, так на Хэллоуин будет, пацаны, вы мне сказать вообще дадите или нет?

– А как на Хэллоуин, он же тридцатого бывает, а не тринадцатого...

– Да ну вас на хрен, вы мне вообще сказать не дадите! Всё, пошёл я...

– Ну, Лео-о-о-шь, ну скажи-и-и-и!

– Ну, лан, кто перебьет, тому в лоб дам... ну вот, пошли они, а там игрушка лежала...

– А там кукла убивала всех?

– Да я те в лоб щас дам!

– Да Кирюха, хорэ перебивать уже, ну Лео-о-ошь, ну рас-
скажи-и-и-и!

– Ну и вот... а там железная дорога лежала...

– Это чё?

– Это хрень такая была, на ней туда-сюда ездили, пока порталов не было... а там такая же, только игрушка... и вот пацаны в неё играть стали, а кто игрался, тот умирал...

– Имя, фамилия?

– Горенко Алексей.

– Возраст?

– Двенадцать... а в октябре тринадцать будет.

– Молодец. Ну а где ты про железную дорогу услышал?

– Да пацаны рассказывали...

– Какие пацаны?

– Да не помню я... вообще всякие...

– А если подумать?

– Да оставь его, не помнит он... это ж бывает, один сказал,
другой сказал, а от кого пошло, чёрт пойми...

– Когда, говорите, пропал?

– М-м-м... не знаю.

– Ваш сын пропал – и не знаете?

– Так я к нему полдня в комнату не заходила...

– Когда вы увидели, что сына нет?

– Ну, вот... в половине шестого вошла... а там пусто... я еще думала, по дому где-нибудь, ну знаете, дети же такой народ, нынче здесь, завтра там...

– А его нигде не было?

– Ну...

– Двери, окна...

– Да что вы, решетки на дверях, на окнах, мышь не проскочит...

– Ну, вы хоть понимаете, что он просто так испариться не мог?

– Получается... мог...

– Ну ладно, ладно, гражданочка... найдем мы сына вашего... парни, вы мне скажите, что в комнате нашли?

– Да ничего не нашли...

– Пустая комната, что ли?

– Да не... ничего такого...

– Какого такого, тут малейшая улика сгодится, а вы что искали, оружие-наркотики, что ли?

– Ну... на полу игрушка какая-то была...

– Какая – какая-то?

– Да это... шоссе... или нет, вру... что там до телепортов было... а вот, жалюзная дорога, вот.

– Железная, горе ты моё... а вы молодец, гражданочка... правильно сына воспитываете... я вот своих из-за компа вытаскать не могу... Так что там с дорогой?

– Ну, вот... дорогу там собирать надо, станции всякие...

– А не помните, как станции располагались?

– Ой, не помню я... станция школа, станция институт...

потом женитьба, что ли, или нет... армия...

– А чем кончалась железная дорога?

– Ой, не помню я... вроде... а что такое спайс?

– Так, всё понятно... Так прямо на последней станции и было написано?

Сиводни было маё день раждения. Папа падарил мне ра-
диауправляимый вирталет. А мама падарила мне куртку.
А бабушка падарила мне жылезную дарогу, ета такая игра.
А патом мы ели торт. А патом мы паехали в заапарк, там бы-
ли пенгвины...

– Ма, а мне поезд снился...

– Да помешался ты на поездах своих! У-у-ух, я эту свекру-
ху прибью, притащила ребенку дрянь какую-то... Хотя бы
новую, что ли, купила, а то приволокла, что от какого-то там
племянника осталось...

– А я на поезде ехал...

– Ладно, собирайся, давай, опоздаем...

– Ма, а я железную дорогу не достроил... а там это, а надо
было станцию выбрать... а которая работа...

– Ну, давай, одевайся, скорей...

А тама две станции с работой были... а на одной значок
такой, как денежки, а на другой значок такой, как сердечко...

– Ну, готов? Сумку собрал?

– А я выбрал, которую с денежкой...

– Ты меня слышишь, ты сумку собрал?

– А-а-а, щас, щас... а поезд с рельсов не сойдет?

– Сойдет, если слушаться не будешь... так, быстро пошли уже! Хочешь, чтобы для тебя одного портал открытым держали?

– Ма!

– Ну, что такое?

– Ма, а я забыл...

– Да я тебе щас башку оторву, забыл он! Сколько раз говорила, сумку проверяй!

– Да не-е... а я станцию с денежкой поставил... а надо было с сердечком...

– Ну, вернемся, с сердечком сделаешь...

– Да не-е, прямо щас надо!

– Я те дам, прямо щас! Да что такое, все дети, как дети, а этот...

– Ну, ма-а-а!

– Да я тебе сказала, потом сделаешь! Ты хоть слово «Потом» понимаешь?

Но это ва-а-ажно!

– Ма, ма!

– Да что такое? Ты нам с папой спать дашь, или нет?

– А мне поезд снился... он с рельсов сошел...

– Да помешался ты на поездах на своих, вернемся, я эту игрушку вообще вышвырну!

– Ма-а-а-а!

– Когда, вы говорите, он пропал?

– Так ночью...

– Сбежал из номера гостиницы?

– Да что вы, номер-то закрыт был...

– Так куда же он подевался?

– Да не знаю я...

А Витьку обидно.

Еще бы Витьку обидно не было.

Дорогу-то кому купили? Верно, Витьку. А играет в неё кто? Кто в неё играет, а?

А все, кому не лень.

Набежали ребята на день рождения, – вот так, день рождения у Витька, а торт гости сожрали, Витьку кусочек махонький остался... А потом все в железную дорогу играть пошли, а Витьку опять ничего. Витёк к дороге тянется, и мама Витька оттаскивает, ну дай ты другим поиграть, да какое там, другим, дорогу-то не другим купили, а Витьку...

– А вот, сначала станция, Рождение...

– Ага, давай дальше... первый Новый Год...

– А вот... первое разочарование...

– Да ну его на хрен!

– Чего ну на хрен, без него не склеится ни фи́га, видишь...

– Ага, вижу...

– Ну, давайте дальше...

– Да пацаны, дай я!

– Да чего ты, ты сломаешь всё!

– Ну, пожа-а-а-а...

– Ну, давай... первая драка...

И мама Витька:

– Ой, только без драк.

– Да как без драк, не состыкуется ни фи́га!

Играют мальчишки.

– А чего станции с работой две?

– Стой, пацаны, которую с денежкой, выбирать нельзя...

– Чего нельзя?

– Того нельзя... так пацан один сделал, потом пропал на хрен...

– Так как, вы говорите, пропал Виктор?

– А... а я знаю, как он пропал.

– Вы знаете?

– Ага...

– Имя ваше... Тимофей, да?

– Ага... а вот... а Витек там железную дорогу собирал...

– Настоящую, что ли?

– А не... игрушечную... а там это было... станция, где работа... выбрать надо было... а он выбрал, где с сердечком...

а потому что где с денежкой, там опасно...

– И?

– И так он пропал... потому что не то выбрал... а... а получается, тут что не выбирай, всё равно пропадешь?

– Ну, хорошо, хорошо, дети... идите... играйте...

– А... а вы мне не верите, да?

– Да верим, верим...

– Да я вижу, не верите вы мне ни фиги!

– Тимоша, что за разговоры такие?

Вхожу к шефу, как всегда смотрю на фотографию девчушки на столе, как всегда думаю, кто она ему, дочь или внучка, как всегда, хочу спросить, как всегда, не спрашиваю.

– Ну что... заданьице есть...

Киваю:

– Это хорошо.

– Чего хорошо, Новый Год на носу, а ему хорошо... добрые люди дома сидят, ёлку наряжают...

– А работа важнее.

– Ну-ну, я тоже по молодости такой был... ладно... смотри, ГУМ знаешь?

– Э-э-э... это в Москве?

– В ней... значит, летишь в Москву, там отдел игрушек в ГУМе... железную дорогу покупаешь. Детскую железную дорогу. Понял, да?

Меня передергивает. Вот только этого мне еще не хвата-

ло. Только мечтал, как буду сражаться с мировыми преступниками и международными заговорами, а тут нате вам, садись, добрый молодец, на коня, езжай за тридевять земель, вези дочке начальниковой цветочек аленький...

– Ну, давай... денег не жалея, если надо, я еще подкину...

– Шеф, тут накладочка у нас вышла...

– Ну что такое опять?

– Так игрушка эта в одном экземпляре была...

– Купил?

– Не, опередили меня...

– Так... разыщи, кто купил, чтобы железная дорога у меня была, понял?

Меня передергивает. Вспоминаю какие-то статьи из каких-то журналов, пять причин уволиться, причина первая – если ваш начальник самодур...

– Перекупить?

– Не... тут осторожнее надо...

Катюшка плачет.

Слезами заливается.

Еще бы Катюшке не плакать, дорога-то... дорога железная...

Катюшка её на Новый год просила...

Катюшка весь год хорошо-хорошо себя вела...

Дорогу Катюшке подарили...

А теперь...

– А ваша дочь что-нибудь видела?

– Вот она и увидела...

– Он в окно выпрыгнул!

– Вор? С дорогой?

– А-г-га-а-а-а....

– Ну не плачь, не плачь... как тебя... Катя? Ну, не плачь,

Катя... найдем мы дорогу твою...

Шеф смотрит на меня с презрением:

– Ну, вы и умник... нормально-то не могли дело проверить? Девчонка уже всех с ног на уши подняла...

Меня передергивает:

– А я был о вас лучшего мнения.

– В смысле?

– В прямом... для дочки своей готовы костями лечь, или кто она вам там, внучка... А про других детей не думаете, что у другой девочки дорогу эту украли...

– Да какая к черту внучка, ты хоть понимаешь, что это за дорога-то? В жизни моя внучка дорогу эту не увидит...

– А ч-ч-то такое?

– А ты сам посмотри, что на игрушке написано! Кто дорогу сделал?

– М-м-м... никто.

– То-то же... эта дорога, та еще дорога...

– Это он, он!

Вздрагиваю всем телом.

Оборачиваюсь.

Девчушка бежит по улице, даже вспоминаю её имя – Катюшка её зовут. Бежит ко мне, машет руками:

– Это он всё! Это он забрал!

Чувствую, что краснею.

– Дядя, а где моя дорога?

Меня передергивает.

– Пойдем... верну я дорогу твою... верну...

Кто-то хватает меня за руку, ну конечно, мама её подошла, а то что такое, чужой дядя дочку уводит...

Киваю:

– Пойдемте... я вам дорогу верну... я знаю, где она.

Спрашиваю себя, что я делаю, что я делаю, с ума я сошел, или как. Похоже на то – врываюсь в кабинет шефа, волоку за собой Катюшку, вижу железную дорогу, вот она, стоит на полке...

Шеф усмехается.

– Э-э-э... чему обязан?

– Дорогу нашу верните.

– В смысле?

– Дорогу нашу... железную...

– А-а-а, да-да, конечно... дорогу... вот она, дорога ваша... в целости и сохранности...

Не верю себе, кто из нас сошел с ума, я или он – нет, отдает дорогу, отдает, как ни в чем не бывало, извините, ошибка вышла, хотя по его глазам вижу, никакой ошибки здесь нет...

Обмен любезностями.

Они уходят.

Катюшка прижимает к себе железную дорогу.

Думаю, кто из нас сошел с ума.

– Э-э-э... вы же сказали...

– Что сказал?

Откашливаюсь.

– Что это... опасно.

– Очень опасно.

– Но...

– А ты не беспокойся, я там уже подправил, что надо было... никому теперь эта игрушка ничего не сделает.

Радуетса Катюшка.

Еще бы Катюшке не радоваться.

Едет поезд по железной дороге, дорога простенькая, по кругу идет, ни станций, ни разветвлений, ни-че-го...

– А это что... первое разочарование... первая драка... обман... выбор...

– Это вы где взяли?

– Да вот... детская игрушка... железная дорога...

– А кто вам вообще разрешил секретные сведения смот-

реть?

– Нет, правда, а что это?

– Это раньше в жизни у людей было... выбор... обман...

– А выбор, это что?

– Это когда не знаешь, что делать.

– Чёрт, как люди жили...

– Вот так и жили...

– А вбор там был?

– Может и был, не знаю я... ладно... закрывай давай, нечего на секретные документы пялиться...

Дети бегут к ёлке.

Разворачивают подарок дрожащими руками.

– Дорога! Дорога!

– И верно, железная дорога. Бросаются собирать, дай я, да дай я, да ты не умеешь, да ты сам не умеешь, а ну успокойлись оба, да вот так надо, а эту куда, да вот сюда же...

Собрали.

Ух ты...

Катится поезд по кругу, по кругу, стучит колесами.

– Так вы полагаете, через какую-нибудь тысячу лет жизнь на Земле станет невозможной?

– Думаю, всё случится гораздо быстрее... лет через пятьдесят.

– И что нам делать?

– Уже ничего не сделать. Что вы сделаете, если вся наша жизнь размерена по минутам, движемся по кругу, по кругу, у нас нет выбора, нет ошибок, да мы даже от рождения и смерти отказались! А вы говорите... решить проблему...

– Разрешите задать вам еще несколько вопросов...

– Некогда, некогда...

– Вы куда-то торопитесь?

– Да, хочу использовать наш последний шанс на спасение.

– А подробнее...

– ...после, после...

– ...По поводу вашей просьбы... к сожалению, то, что вы просили... утилизировано из архива десять лет назад.

– Проклятье... и что, копий никаких не осталось?

– К сожалению, нет.

– Что же... на человечестве можно ставить крест...

– Я у вас одну игрушку заказать хочу... ну, не игрушку... вот есть такая... железная дорога...

– Ага, видел что-то такое...

– Ну и вот... можете на ней ответвление сделать?

– М-м-м-м...

– Ответвление...

– Влево, вправо?

– Вверх.

– В смысле? Вертикально вверх, что ли?

– Ну, не вертикально... плавно так вверх поднимается... а сверху станция... а на ней звезды такие нарисованы...

– Гхм... ну, я попробую.

– Попробуйте пожалуйста... это... очень важно... очень...

В ночь

– ...Иринка в ночь ушла...

Краем уха слушаю разговоры взрослых.

– ...в ночь ушла.

Спрашиваю:

– А в ночь, это куда?

И мама крыльями хлопает, ах, ах, куда в разговоры встречаешь.

И тетя Таня крыльями хлопает: да пусть, пусть говорит, пусть учится...

И мама:

– В ночь – это в ночь, понятно тебе?

Мне ничего не понятно. Я знаю, как можно уйти во двор. Или в дом. Или в лес. А в ночь...

Иринка возвращается, спать ложится.

И мама мне говорит:

– Да угомонись ты, видишь, Иринка с ночи пришла...

Я думаю, что такое с ночи. Можно спрыгнуть с крыльца. Сойти с поезда. Упасть с дерева, падал, больно было. А вот с ночи....

– А как далеко можно уйти в ночь?

Это Кирюха спрашивает. Кирюха всё спрашивает. И всё

знает.

– А как?

Кирюха смотрит на меня, прищуривается:

– А айда в ночь, скажу.

– А в ночь мне нельзя.

– Ну, скажи-и!

– Ну, айда, скажу.

Идем в ночь, а в ночь нельзя.

– Ну, скажи уже-е-е-е...

– Не знаешь?

– Не-е-е-е...

– А до половины! А дальше уже идешь не в ночь, а из ночи!

– Да ну тебя!

Убегаю.

Потому что мне в ночь нельзя.

– Ма, а знаешь, как далеко можно в ночь уйти?

– Иди, не мешай...

– А я знаю!

– Иди уже...

– А до половины! А дальше уже из ночи идешь!

– Да кто тебе сказал такое?!

Мама сердится, крыльями хлопает.

– А Кирюха...

– Да еще раз тебя с ним увижу, башку оторву!

– А ком-му-у?

– Да обоим вам!

– А где Кирю... э-э-э... Кирилл?

Это я у мамы Кирилла спрашиваю.

А мама Кирилла плачет.

– В ночь... в ночь уше-о-о-о-л!

Вот тогда я узнал, что в ночь можно уйти не до половины.

А совсем.

Требуются работники для хождения в ночь.

Соцпакет.

Оплата сдельная.

Я искал такое объявление в газетах.

И не находил.

Осторожно спрашивал у людей, где набирают для хождения в ночь.

На меня смотрели, как на психа.

– А ты где работать будешь?

– На комбинате.

Это кто с кем говорит? Да кто угодно с кем угодно.

Больше-то работать негде.

Только на комбинат.

Входит мастер.

Это не к добру, если в разгар работы мастер входит, значит, кто-то накосячил чего-то.

Мастер оглядывает нас, смотрит почему-то на меня.

Холодок по спине.

– Ну что... кто в ночь пойдет?

Поднимаю руку:

– Я!

На меня смотрят, как на психа.

Кто-то крутит пальцем у виска.

– А чего такое – в ночь?

Пацаны вздрагивают.

Смотрят на меня стеклянными глазами.

– Чё, не знаешь, что ли?

– Не...

– Во, отмороженный...

– Не, серьезно, это чего?

– Чего-чего, ты когда работаешь?

– А... а когда?

– Днем ты работаешь, дебилище... А теперь ночью работать выйдешь. Чего непонятно-то?

Молчу.

Всё понятно.

– Ты куда вырядился-то так?

Мастер смотрит на меня.

Я смотрю на себя.

Не понимаю.

Как всегда выряджался на работу, так и теперь.

– Окочуриться не боишься? Вон, комбез теплый надевай...

– Так лето же...

– Это здесь лето... а ночью-то зима...

Следователь смотрит на меня:

– Когда вы в последний раз видели мастера?

– Ночью.

Я спрашиваю, «когда», а не «где».

Отчаянно повторяю:

– Ночью.

– Что с ним случилось?

– Он ушел в ночь.

Следователь вскидывает брови:

– И?

– И... не вернулся. Ну как... кто-то до половины ночи в ночь идет, а кто-то совсем в ночь уходит...

Следователь разводит руками:

– Слушайте... это... вы мне можете объяснить, что такое эта ваша... ночь?

– Ну вот, на Земле полярные ночи бывают?

– Бывают.

– А вот у нас есть участок на планете, где никогда солнца не бывает.

– Да ну?

– Ну да. Вот это и есть ночь.

– И... что вы там ищете?

– А вот этого я вам сказать не могу...

– А что так?

– Коммерческая тайна, вот так.

– И что... часто с ночи не возвращаются?

– Так каждый раз кто-нибудь не вернется...

– А чего не запретят в ночь ходить?

– Ну... значит, так начальству надо... чтобы ходили...

Следователь прощается со мной.

На меня надевают наручники, уводят в камеру.

Нет, меня ни в чем не обвиняют.

Я не виноват ни в чем.

Просто так заведено, кто в ночь ходит, того по камерам держат.

Чтобы не сбежали.

А то кому же в ночь ходить...

– Ну что... кто в ночь пойдет?

Это мастер спрашивает.

Новый мастер.

Старого уже нет.

Старый в ночь ушел.

Это он просто так спрашивает – кто пойдет, ясное дело, что пойдут все.

Так заведено.

Смотрю на работников, думаю, кто сегодня не вернется.

Мастер говорит, куда мы идем.

Понимаю, что не вернемся мы все.

Пытаюсь что-то возразить, что ничего мы из ночи не принесем, пропадем же...

Мастер повторяет приказ.

Осторожно спрашиваю:

– А... зачем туда идти? Кто велел?

– Как кто... хозяин велел.

– А хозяин у нас кто?

– Ну... как кто...

– А ничего, что хозяин комбината – мой дядюшка, который позавчера умер?

– И?

– И. Вы завещание-то его посмотрите...

Мастер смотрит завещание.

Кланяется мне – новому хозяину.

Снимаю с работников кандалы, цепи, оковы, открываю камеры.

Что-то еще.

А.

Ну да.

Иду в сторону ночи, ночь прислушивается, недовольно фыркает.

Снимаю с ночи длинную цепь.

Ночь расправляет крылья, летит в темноту.

На реке Ва

Это было на реке Ва.

Стоп-стоп, какая разница, что там было. Мы про сейчас говорим, про сегодня.

А сегодня Тэмми стоит впереди войска... да какого войска, десять человек всё его войско. У Властирана войско побольше будет, да что побольше – до самого горизонта...

– А айда на реку Ва!

Это Тэмми вспоминает.

Это ему говорил...

...сейчас Тэмми уже и не помнит, кто ему это говорил. Кто-то из друзей. Много было у Тэмми друзей, сейчас не осталось уже никого в живых, Анатэрри постарался.

А, ну да. Мы не про воспоминания говорим, а про то, что сейчас. А что ж делать, если Тэмми вспоминает, даром, что некогда ему вспоминать, вон, войско стоит.

Да что войско.

Десять человек.

И смотрят на Тэмми, что-то Тэмми скажет, а что он скажет, тут только сдаваться осталось на милость победителя, что еще-то...

Тэмми вытаскивает из кармана сложенный вчетверо листок.

Разворачивает.

Читает...

...да что там читать, одна-единственная буква там – Т.
Тэмми смотрит на букву.

Читает.

Улыбается.

И Властиран смотрит на Тэмми, не понимает, чего это
Тэмми улыбается.

А?

Не-ет, это не инициалы Тэмми, нет.

Это...

– А айда на Ва!

Воспоминания – лезут и лезут в голову...

Тэмми спрашивает:

– Ва – это что?

– Ты чего, отмороженный,, не знаешь? Река такая – Ва.

– А почему – Ва?

– Ну, то есть река Нева, а то Ва, чего непонятно-то?

– А-а-а...

– Чего а-а-а, пошли, давай...

– А зачем?

– Затем. Там рпа живет.

Тэмми не понимает:

– Кто живет?

– Ну, то Нерпа есть, а то рпа.

Тэмми не хочет:

– Да... в другой раз как-нибудь...

– Чего в другой раз, она желанья исполняет!

– Да ну?

– Ну да!

Тэмми стоит перед войском.

Улыбается.

Смотрит на букву Т.

Воспоминания.

Лезут и лезут в голову.

Тэмми стоит на берегу реки Ва.

То Нева, а то Ва.

Тихий всплеск.

Что-то ныряет там, в глубине.

Тэмми не видит, только догадывается:

Рпа.

Тэмми спрашивает у Рпы.

Тихо-тихо спрашивает (рпа лишнего шума не любит, это же рпа)

– Рпа... а мы одолеем Властирана?

Рпа молчит.

– Рпа... да или нет?

Дурень, не знает она слова да.

Это из друзей кто-то говорит.

Кто – Тэмми уже не помнит.

Всплеск воды.

Сложенный вчетверо листок на берегу.

Властиран смотрит на Тэмми.

Не понимает.

Почему Тэмми смотрит на листок бумаги, читает – Т.

И улыбается.

Где я не был

Я хотел написать историю, как я был в Лондоне.

Но в Лондоне я не был.

Никогда.

Поэтому я напишу историю про то, как я не был в Лондоне. Как я не поднимался на Лондонском Глазу (двадцать пять фунтов всё удовольствие) и не смотрел оттуда на Биг Бен и Парламент. Как я не снял номер в гостинице напротив того же Парламента, про то, как я не смотрел на дома, увитые плющом, как я не ходил по старинному замку, перегороженному напополам, а сюда можно, а туда нельзя, а там частные владения...

А?

Что?

Вот только не надо мне сейчас, а-а-а, еще все впереди, а-а-а, что ты себя настра-а-аиваешь, еще пое-е-е-дешь...

Я не был в Лондоне.

И не буду.

Никогда.

Потому что меня самого никогда не было.

И не будет.

Что-то случилось, сейчас уже и не знаю, что случилось, может, мои родители не встретились, или встретились, но поссорились, но не помирились, или моего отца сбила машина, или...

Я не знаю.

И никогда не узнаю.

Говорю же – меня нет.

Что-то не получается у меня с Лондоном. Давайте лучше расскажу, как я никогда не был в Москве. Я никогда не скользил по заснеженным улицам, никогда не нырял в метро, никогда не поднимался на башню Федерация, никогда не гулял по ГУМу, никогда не спохватывался, а чего это эскалаторы все вверх, вверх, вверх, а вниз как спускаться прикажете...

Я никогда там не был.

Потому что...

А?

Не-ет.

Не потому, что меня не было.

А потому, что не было Москвы.

Что-то случилось, маленький городок, заброшенный среди лесов, заглох, вымер, не стал огромной столицей.

Поэтому я не был в Москве.

И никто не был.

Или давайте я расскажу вам, как я не был на коралловых рифах. Там не было очень красиво, я не нырял с аквалангом, и рыбу-шар я тоже не ловил, и в руках не держал, сфоткайте, пока не вырвалась...

Потому что...

Да, потому что коралловых рифов тоже не было. Что-то случилось, кораллы не выросли в южных морях.

Что-то не получается написать.

Или давайте я расскажу, как я не был в Венеции и не смот-

рел на луну, которая не отражалась в темной глади канала...

Не было.

Потому что не было меня.

И Венеции.

И Луны.

Что-то случилось, миллионы лет назад Терра не налетела на Землю, не рассыпалась на куски, не стала луной.

Ну а как вы хотели.

Бывает.

Это же сколько совпадений всяких должно случиться, чтобы Луна появилась.

Или давайте я расскажу о том, как никогда не был в Альпах, никогда не лежал на бескрайнем лугу и не смотрел на звезды.

Потому что...

...да.

Я пишу эти строки в баре... вернее, не пишу. И не в баре, потому что этот бар никогда не построили...

Я пью вино...

Вернее, не пью.

Нет, я правда не пью.

– Вам не кажется... мы где-то не встречались?

У неё синие глаза.

И розовые волосы.

Смотрю на неё, припоминаю...

– Да... вроде бы в Париже мы с вами не встречались...

Она подхватывает:

– Да, мы не смотрели на Эйфелеву башню.

– И с башни тоже.

– А мы с вами по Елисейским полям еще не гуляли.

– А помните, как мы в Альпах не были?

– А мы еще с альпийских гор на лыжах не катались...

У неё синие глаза.

И розовые волосы.

Нам с ней много что есть вспомнить.

Мы с ней много где не были...

Догоняющий сон

А вот скажите, вы четко свои сны помните?

Нет?

Вот я тоже нет.

Вот так проснёшься, начнешь вспоминать – что-то было, найти там нужно было кого-то или что-то, или догнать кого-то, или, наоборот, вас догоняли... а что, куда, зачем, непонятно...

Что жалуетесь-то, у нас не лучше.

А это еще кто говорит?

Кто-кто... когда мы в сон возвращаемся, явь вспоминаем, тоже путаемся, что там в яви видели. Кем были, что делали... помню, бежал куда-то, а куда... нет, дом там какой-то был... или я сам был домом... не помню.

Я даже курсы устроил для желающих вспомнить свою явь. Кого там только нет...

Понимаете... я всё время догоняю что-то... что-то...

(Это посетитель на моих курсах говорил)

– А оно убегает?

– Да не убегает... оно просто спешит вперед... быстро-быстро. А я догоняю. Мы все догоняем.

– Вы все? Сколько вас?

– М-м-м... восемь. Или девять. Вот сейчас не помню,

то ли девять, то ли восемь нас... и догоняем.

– Живого кого-то догоняете?

– Да нет... большое что-то догоняем... горячее... очень важное для нас...

– А может... вот что... а может, вы поезд догоняете?

– Думаете?

– Ну... или автобус там какой...

– Автобус?

– Ну, конечно. А вы на него опоздали.

– И что же нам делать? Бежать быстрее?

– Не-ет, так вы его всё равно не догоните... вы вот что... начало сна помните?

– Гхм... нет.

– А вы вспомните... когда вы на автобус этот спешили или куда там... с чего сон начался? Может, вам пораньше в этот сон прийти, тогда всё и успеете?

– Я даже не думал...

– А вы подумайте. Так же просто всё – пораньше придёте, и всё успеете...

– Это вы так людям во сне с явью разобраться помогаете?

– Ну да. Я ему и помог.

– Он... догнал?

– Не догнал. Успел. А знаете, кем он был в мире яви?

– М-м-м... пассажиром?

– Нет. Землей он был.

– К-кем?

– Землей. Планетой.

– А догонял он что? Сам себя?

– Нет... Солнце догонял.

– В смысле?

– Ну знаете же, как бывает... летит солнце в космосе, а за ним планеты по спирали, по спирали...

– По какой спирали, планеты же по кругу... в учебнике на картинке так было...

– То в учебнике, а то на самом деле... есть разница...

Начинаю понимать:

– Хотите сказать... он догнал... солнце?

– Ну... это я вас предупредить пришел... что...

Он не договаривает. Понимаю – что.

Я вас предупредить пришел... только вы этого уже не услышите...

Лхаса

Это будет история о противостоянии трех сил. Трех сторон. О жестокой битве, в которой не будет победителей.

Ну и, конечно же, там будут интриги, скандалы, тайны, головокружительные приключения. А? Ну и женщины красивые тоже будут, куда же без них. Всё будет...

Для начала по законам жанра познакомим уважаемого читателя с главными героями. То есть, с тремя враждующими сторонами.

Вот первая сторона. Это будет... в Египте. Нет-нет, вы не спешите представлять себе отели и аниматоров и торговцев сувенирами – это будет в Египте на заре веков, когда пирамиды, облицованные мрамором, еще разбрасывали лучи полуденного солнца во все стороны, а на невольничьих рынках продавали рабов под грозные окрики хозяев. А может, пирамиды в те времена еще не построили – говорю же, это очень далекое прошлое, отсюда не видно толком, как оно там.

Ну и вот. По городу скачет всадник... нет-нет, это еще не главный герой, он торопится, спешит, подгоняет скакуна, ударами хлыста охаживает зазевавшихся прохожих, видно, знатный человек. Хотя нет, знатных людей в те времена рабы на носилках таскали, а этот почему-то на лошади скачет, ну да кто ему запретит, сказано же, знатный человек.

И вот знатный человек пришпоривает коня, замирает, – что-то привлекло его внимание там, в конце улицы. Так и есть, продавцы хлещут плетками раба, совсем еще мальчишку, интересно, что тот натворил, бежать, что ли, пытался...

– Сбежать, сбежать пытался, да покарает его бог ночи! Да с окаянного мальчишки надо снять шкуру и скормить её крокодилам!

Знатный человек смотрит на мальчика, спрашивает хозяйина:

– Сколько?

– Три таланта, почтенный господин, да и то будет много за это отродье ехидны, разорви его гиена! Уж прошу тебя, почтенный человек, дай ему хорошую трепку, когда приведешь домой!

Знатный человек бросает торговцу три таланта, рывком подсаживает парня в седло, скачет в сторону богатых домов. Там у него в доме все из золота, в Египте вообще золота больше, чем песка.

– Ну что...

(...это «Ну Что» хозяин уже потом скажет, когда они придут домой и поужинают, что у них там на ужин было в те времена, лепешки какие-нибудь и вино...)

– ...Тибет знаешь?

(...в те времена богатый человек скажет, конечно же, не Тибет, по-другому скажет, но мы скажем – Тибет, чтобы

понятно было)

– Что-то читал в свитках.

– Так ты научен грамоте? Далеко пойдешь...

– Друг мой, мне нужна одна вещь... вы найдете её на Тибете.

Это уже не Египет, и не древний, это уже второй герой нашей истории. Это наследник некогда богатого английского рода – теперь он последний, кто остался от знатной фамилии, ему придется продать за долги поместье, которое едва хранит в себе остатки бывшего величия – английский газон зарос бурьяном, в замке гуляет ветер, играет осенними листьями в погасшем очаге...

– И вот молодой герой сидит перед хитрым дельцом, который обещал ему помочь...

Делец поправляет керосинку, ворошит уголья в камине, кивает:

– Я покажу вам рисунок этой вещи... – делец открывает книгу, показывает гостю изображение золотой статуэтки неведомого божества, – вы принесете мне её.

Парень краснеет. Думает, как напомнить дельцу, что ни на какие путешествия у него денег нет, ему бы с долгами расплатиться, да с такими долгами в жизни не расплатишься...

– Я дам вам денег на путешествие, – кивает делец, – и прощу вам все долги, если вы принесете мне эту штуку.

Молодой человек настораживается. Он плохо знает

жизнь, даже слишком плохо, большую часть жизни он провёл в одиночестве, в поместье, за чтением книг из огромной библиотеки, за долгими уединёнными прогулками, – реальная жизнь осталась где-то там, за воротами поместья. Герой даже не знает, как выписать чек или вести приходно-расходную книгу – этим занимался старый слуга, но он умер месяц назад.

И вот теперь герой чувствует – здесь что-то не так. Очень и очень не так. Но что именно не так – он не знает, а спросить не у кого.

– Разрешите поинтересоваться, почему эта статуэтка представляет для вас такую ценность?

– Друг мой, много будете знать, скоро состаритесь.

Наследник богатого рода задумывается: он читал немало книг о путешествиях, но отлично понимает, что книги – это одно, а в жизни все будет совсем по-другому.

– Даже не знаю, справлюсь ли я...

– Я тоже не знаю, друг мой... видите ли, оттуда ещё никто не возвращался.

Молодой человек вздрагивает. На карту поставлено многое. Даже слишком многое.

– ...ну вот, билеты вам на сайте закажем, давайте найдем подешевле... вы уж не обессудьте, вы у меня эконом-классом полетите, бизнес-класс дороговато выйдет...

Молодой человек не понимает, что значит – полетите,

на чем полетите, на воздушном шаре, что ли, да на шаре так далеко не летают, от силы через город, и всё...

Ах да.

Это уже не про молодого наследника богатого рода, это уже про третьего героя. Пусть третий герой живет у нас в Москве, или нет, приехал в Москву из глубинки поступать в МГУ, экзамены завалил, а домой возвращаться стыдно, вот он и мыкается в столице, ищет себе местечко...

А?

Ах, да. Мы же женщин обещали. Красивых. Сейчас будут вам красивые женщины. Пусть третьим героем у нас будет девушка. Приехала в Москву учиться на дизайнера, а экзамены завалила, а домой возвращаться стыдно, от матери выслушивать, а-а-а-а, я тебе говори-и-и-ла-а-а-а, где роди-и-и-лся там и пригоди-и-и-ился, ага, шас, пригодится героиня в Запендренске этом, героиня-то про себя думает, что она не простая, а особенная, и её-то ждет великая судьба, не то, что некоторых.

А тут и работа подвернулась, невелика, правда, работа, помощник руководителя, ну да ладно, на первое время сойдет...

– Ну вот, – начальник показывает на экран, – до Лхасы долетите, а там...

Героиня не понимает:

– Стойте-стойте, вы же сказали – на Тибет.

– Голубушка, так Лхаса у нас где? В Тибете.

– Это как?

– А это так. Тибет, это что?

– Ну-у-у... страна такая.

– А вот и нет. Нет такой страны – Тибет.

– А куда же вы меня тогда посылаете, если нет такой страны?

– А это плато такое, Тибет. А там страна такая, Непал. А в стране город такой, Лхаса. Там аэропорт...

– Ой, вы меня запутали... А плато, это как в компьютере плата, да?

Начальник только руками разводит, ну что тут поделаешь...

Он сидит на ступенях заброшенного храма.

Он ждет.

Однажды здесь сойдутся три человека, три путника, пришедшие за одним и тем же. Сцепятся в смертельной схватке, в которой не будет победителей.

Он ждет.

По ступеням храма поднимаются трое: изможденный лишениями египтянин в лохмотьях, старомодно одетый путник в монокле – он тяжело хромает, опирается на палку, видно, досталось ему в пути. С третьей стороны идет девушка, закрывает лицо от пыльного ветра.

Он смотрит.

Он знает, кому он достанется.

Читатель еще не знает. Читатель волнуется. Читатель за триста страниц уже успел полюбить всех троих героев, он не хочет, чтобы они умирали, а ведь всё идет к тому, что кому-то достанется золотое изваяние, а кто-то вернется ни с чем, если вообще вернется, или будет лежать мертвый на ступенях храма...

А кому достанется изваяние?

А всем.

В глубокой древности на ступени храма поднимается изможденный странник, бережно прячет изваяние на груди, идет назад. К вечеру он доберется до тибетской деревушки, где его ждет ужин и ночлег.

Семнадцатый век. Или какой там. Ну да. Семнадцатый. Наследник богатого рода поднимается по ступеням, берет золотое изваяние. У входа в храм его ждут проводники, проверенные люди, придерживают мулов. К вечеру путники доберутся до гостиницы, а дальше их ждет неблизкий путь в порт, откуда большой корабль доставит их в Лондон.

Девушка поднимается по ступеням того, что когда-то было храмом. К ней навстречу спешат торговцы, наперебой расхваливая свой товар. Туристка сразу замечает золотое изваяние монаха, тщательно сверяет по фотографии – верно, оно и есть, вынимает бумажник, торгуется для приличия, знающие люди говорили, надо торговаться, он говорит – сто, а ты говоришь – десять, а торговец кричит – ты хулиган! – а туристка смеется – я хорошая...

И всем будет хорошо. Золотой божок всё предусмотрел, разделил путников во времени. Много раз будут увозить божка, много раз он будет возвращаться обратно в тибетский храм.

Он молчит.

Думает.

Смотрит в будущее, в тот роковой день, когда уже не сможет развести трех путников, когда три последних выживших человека сцепятся в смертельной схватке, – божок видит их перекошенные яростью изможденные лица, чувствует чужую кровь на губах каждого...

Он видит.

И ничего не сможет изменить.

А?

Зачем трем заказчикам нужно было золотое изваяние?

Заказчиков было не три.

А один.

Нет, он не бессмертный... то есть, бессмертный, но не совсем. Нет, он не перемещается через время, он...

Впрочем, все по порядку...

(дальнейшая информация засекречена)

1%

Цок-цок-цок – навстречу каблучки.

Женщина в свете фонарей.

Приближаемся друг к другу, вижу, молодая, юбка чуть прикрывает колени, пуговица на блузке расстегнута...

Отчаянно прикидываю, что она сделает дальше.

С вероятностью девяносто два процента – пройдет мимо.

С вероятностью пять процентов спросит, который час. Или нет ли у меня десятки на проезд. или закурить. Или еще что-нибудь такое.

С вероятностью два процента – застрелит меня на месте.

Остается еще один процент, даже не один – полпроцента, не больше, что она кинется мне в объятия.

Вот сейчас и узнаю, в каком мире я нахожусь.

Если в реальном – женщина пройдет мимо.

Если в другом...

Шаг.

Шаг.

Еще шаг.

Цок. Цок. Цок.

Поравнялись с женщиной, тихонько расходимся каждый по своим делам...

...она оборачивается.

Хватает меня, обнимает – хищно, жадно, впивается губа-

ми в мои губы, морщусь от привкуса табака, н-д-а-а, надо будет сказать дамочке, если я ей так приглянулся, пусть с этим делом завязывает, мне пепельницу тоже не надо.

Девушка не отпускает меня. веду её прочь от фонарей в сторону маленьких беседок, на ходу расстегиваю остальные пуговицы на блузке.

Мысленно киваю себе.

Это мир нереальный.

Другой.

Это я сразу узнаю, если автор замутил непонятно что – значит, это мир автора, а не настоящий.

...неловко одеваемся, смотрим друг на друга.

Просчитываю, что будет дальше.

С вероятностью сорок процентов она спросит, как меня зовут. Спрошу телефон, потом, может, посидим где-нибудь в кафе...

С вероятностью двадцать процентов сейчас выскочит кто-нибудь, бабка какая-нибудь, а-а-а-а, совсем страх потеря-а-а-а-ли, или полиция припрется...

С вероятностью сорок же процентов девка меня засудит, любят они это дело, сначала сами на шею вешаются, а потом начнут – а-а-а, плати, а то по судам затаск-а-а-аю...

Вроде, всё...

...нет, не всё, ещё остается маленький процентишко, что они...

...опережаю её на какие-то доли секунды, перехватываю

пистолет в дамской ручонке, простреливаю девчонке голову.

Так и есть.

Автор, я снова тебя перехитрил.

Автор считает себя умнее меня. До сих пор так считает. У него свой метод, выбрать самый невероятный вариант, которого герой ждет меньше всего...

Герои попадались на эту удочку.

Неоднократно.

Автор не учел только одного.

Что я – не его герой.

...программа, способная просчитывать вероятность поведения конкретных субъектов...

Что-то неуловимо меняется в мире: мир сердится, так всегда бывает, когда что-то идет не по плану автора – мир начинает сердиться. По веткам пробегает едва заметный ветерок, качаются фонари, свет скачет туда-сюда, туда-сюда, подпрыгивают опавшие листья...

А вот.

Отскакиваю с дороги – матерый грузовичище пронесится там, где я стоял секунду назад.

Выжидаю.

Больше ничего не происходит. Даже странно, что больше ничего не происходит, я бы на месте автора послал бы сюда стаю одичавших собак или еще что-нибудь...

Нет.

Ничего.

Тянутся вдоль дороги вывески баров, баров, баров – автор ждет, что я сверну в один из них, это я точно знаю, иначе бы не понаставил вокруг все эти бары. А я не сверну, не на того напали, я замечаю между домами едва заметный проулок – иду туда. Это не те проулки, которые заботливо расставляет автор, чтобы там меня ждали злодеи – это проулок, которого автор просто не заметил...

Не заметил...

Темнота. Здесь даже фонари не светятся. Это верный признак того, что автор сюда не заглядывает, здесь можно оглядеться, одуматься...

Шаги за спиной.

Автор всё-таки меня нашел.

Пытаюсь представить, кого я увижу сзади.

Вероятность шестьдесят процентов – злоумышленник.

Тридцать процентов – какой-нибудь попрошайка.

Процентов пять – простой прохожий, в такое время и в таких местах простые прохожие не ходят.

Еще три процента – что это не человек. Кто – не знаю, но не человек.

И два процента – что это женщина, которую я застрелил.

Оборачиваюсь.

Вот она.

Даже в темноте вижу – без оружия.

Женщина бежит ко мне, машет рукой, постойте, постойте...

Стою.

– Да постойте... вы не поняли... я жена ваша.

Что-то я не припомню, чтобы...

– ...в прошлой жизни... нас разлучили... я вас знаете, сколько искала...

Киваю. Вот автор и нашел разгадку, почему незнакомая женщина мне на шею кидается, долго же думал...

– И что, из-за этого меня убивать надо было?

– Да вы не поняли... он меня заставил...

– Кто он?

– Он же нас разлучил тогда... и заставил меня...

Спрашиваю.

В лоб.

Резко.

– Где он?

Этого она не ожидала, что я сразу спрошу – где он. Самое главное – автор не ожидал, и некогда ему выдумывать адреса, улицы, номера домов...

Женщина называет адрес.

Уже знаю – адрес автора.

Киваю:

– Так пойдёмте.

– Стойте, стойте, к-куда пойдёмте, к-как пойдёмте, он же поубивает нас...

– Пусть только попробует.

Спешу. Пока автор не успел ничего придумать, пока не успел перенести свой дом неведомо куда, пока не...

Дамочка бежит за мной, цокает каблучками, бормочет что-то, да подождите вы...

Охранник на этаже преграждает мне путь.

С вероятностью шестьдесят процентов он меня не пустит.

С вероятностью двадцать процентов – застрелит.

Самое невероятное, если он меня пропустит. Просто так.

Ничего не спрашивая.

И именно это здесь произойдет.

Потому что.

На этот раз задумка автора сыграла против него самого.

Иду по коридору, жена спешит за мной, цок-цок-цок каблучками, что-то не нравится мне, что сзади меня идет...

Оборачиваюсь.

Вовремя.

Снова выхватываю пистолет из её накрашенных пальчиков, сейчас опять начнет бормотать, что её заставили...

Толкаю женщину в сторону выхода:

– Беги!

Понимаю: если не убежит, мне придется застрелить её.

Не приходится.

Убегает.

Толкаю дверь в кабинет автора.

За какие-то доли секунды пытаюсь сообразить, кем будет

мой автор.

С вероятностью сорок процентов – какой-нибудь студент или школьник, который только учится писать.

С вероятностью сорок процентов же автором окажется человек знающий, умудрённый опытом.

Или школьница какая-нибудь.

Или...

И с вероятностью один процент...

...опускаю оружие.

Распахиваю дверь.

Уже знаю, что мне ничего не грозит.

Потому что.

В комнате никого нет.

С вероятностью один процент – автор – это я.

Парламент

– Для кого вы это делали? Для кого?
Смотрю на ряд коконов, подвешенных к потолку.

Смотрю на организатора:

– Для кого... для кого?

Он молчит.

Он знает.

Но – не скажет.

Стриженные газоны.

За ними сотни лет ухаживали.

Древние буки.

Деревья такие.

Стрельчатые окна.

Арки.

– Уважаемые туристы, если вам жарко, можете снять куртки, если вам холодно...

Гид теряется, гид не знает, что делать, если холодно, наконец, находится:

– ...скажите нашему водителю, он... что-нибудь придумает.

Смотрю на своего сына.

С тревогой смотрю.

Хотел с собой благоверную взять, не взял, нечего ей на это смотреть.

Жду, какой фортель выкинет мой наследник, а что он фортель выкинет, я уже не сомневаюсь. Или на стол залезет, или еще чего такое устроит, что мне за него до конца жизни

краснеть...

Нет.

Садится на стул, криво как-то, косо садится, раскачивается, ну, это еще ничего, что раскачивается, хотя тоже ничего хорошего, Парламент же...

– ...уважаемые туристы, место в Парламенте передается по наследству, даже если наследником окажется полный дебил...

Смех в автобусе.

...а мне не до смеха.

Сын забирается-таки на стол, комкает листы бумаги, ему весело.

Мне нет.

...уважаемые туристы, обратите внимание на буковую рощу, эта роща особенная. Её посадили тысячу лет назад... знаете, зачем? Две тысячи лет назад понадобилась новая мебель для Парламента. Ну, вы понимаете, буковые столы, кресла... и владелец буковой рощи предоставил деревья из своей рощи. Шли годы, мебель поистрепалась, готова была рассыпаться в прах, и тогда вспомнили о буковой роще... и спросили у владельцев, то есть, у потомков владельцев, нет ли у них еще буков... и что бы вы думали? оказалось, ровно тысячу лет назад хозяин рощи посадил молодые буки,

теперь они выросли, ждут своего часа. Вот такие предусмотрительные англичане...

Английский газон.

Его годами подстригали.

Вот он и получился такой аккуратный.

Буки шелестят.

Парламент. (он не шелестит нет)

Телефонная будка.

Красная, конечно же.

Теперь телефоны никому не нужны, в будке библиотеку сделали.

– Ну что же...

Делаю многозначительную паузу, смотрю на новичка, прикидываю, сколько он здесь продержится, – похоже, что нисколько.

– Вот вам для начала первое задание: вы знаете, что человечество стремительно вырождается...

– Да, сэръ.

– Наши потомки уже не смогут восстановить парламент, когда он обветшает.

– М-м-м... я предпочитаю смотреть в будущее оптимистично.

– Друг мой, в будущее нужно смотреть не оптимистично, а реалистично, запомните это раз и навсегда. Мы должны са-

ми позаботиться о парламенте, если наши потомки не в состоянии сделать это.

– Сэр, вы приказываете мне позаботиться о том, чтобы через тысячу лет была сделана копия мебели для парламента?

– Об этом позаботились и без вас. Меня волнует, что будет через сто тысяч лет.

– Простите?

– Меня волнует, что будет через сто тысяч лет.

– Вы хотите, чтобы я изготовил мебель для парламента, который будет заседать сто тысяч лет спустя?

– Пока не мебель. Пока хотя бы будьте добры спрогнозировать, какими будут наши... потомки.

– А сейчас, дорогие туристы, мы посмотрим с вами здание нового парламента. Он так называется потому, что его построили совсем недавно. Кто знает, почему здесь нет лордов?

– Здание не понравилось!

– Нет, неправильно.

– Еще не достроили?

– Да нет, все готово.

– Под угрозой обрушения?

– И снова вы не угадали. Все очень просто. Обратите внимание: здесь нет привычных нам столов и кресел, только компьютерные серверы...

– Что это? Что это, я вас спрашиваю?

– То, что вы заказывали, сэр.

– Я просил вас сделать здание парламента, которое пригодится нам через три миллиона лет, а вы... вы... – обреченно смотрю на коконы под потолком.

Коконы.

Под потолком.

– Большое спасибо, больше мы не нуждаемся в ваших услугах.

Он смотрит на меня. Отрешенно как-то смотрит. Как бы руки на себя не поднял, или еще что не сделал бы...

Вежливо улыбается:

– Огромное спасибо, я был счастлив работать с вами.

Мысленно вытираю пот со лба.

Обошлось.

Никогда еще никого не увольнял.

Стриженный газон.

Его машины стригут, вот и стриженный.

Буки стоят.

Шелестят.

Парламент стоит.

Не шелестит, нет.

Просто стоит.

Интересно, сколько на свете осталось людей...

Включаю телефон. Будь я проклят, если не сохранил его номер.

Вот он.

ВЫЗОВ

Гудки.

Сейчас начнется. Абонент выбыл, и все такое.

Нет. Не начинается.

Щелчок в динамике.

– Слушаю вас.

– Добрый вечер. Уважаемый сэръ, вы не могли бы нам помочь с оформлением еще одной залы парламента?

– С огромным удовольствием. Для какого века вы хотите оформить залу?

Называю... нет, не век, и даже не тысячелетие, счет идет на сотни миллионов...

Сдержанное покашливание в динамике.

– Это... невозможно.

– Не справитесь?

– Там... уже не понадобится зал.

– Послушайте, даже если у них нет потребности...

– Уже. Не понадобится. Зал.

Начинаю понимать.

Газон.

Стриженный, конечно, как же без этого.

Его машины стригут.

Буки стоят.

Шумят.

Парламент стоит.

Не шумит, нет.

Просто стоит.

Выбираюсь из резиденции, кто-то из роботов спешит мне навстречу, подхватывает, отмахиваюсь – да я ничего еще, ничего, даром, что десятый десяток мне пошел, еще на ногах держусь, нечего меня тут носить...

Рушится мир.

Нет, не вокруг меня.

В душе.

Уже. Не понадобится. Зал.

– Уважаемые туристы, мы с вами проезжаем здание парламента...

Я не слышу этих слов.

И не услышу.

Туристов здесь давно уже... ну как это, нет, вот они, кружатся дроны, делают снимки, скачивают что-то...

Рушится мир.

Уже. Не понадобится. Зал.

Газон.

Темная тень идет по газону.

Узнаю его не сразу, да я вообще с трудом что-то узнаю, зрение ни к черту....

– Вечер добрый, уважаемый сэр.

Я настолько не ожидал его увидеть, что даже не отвечаю на приветствие.

– Вы... но...

– Сэр?

– Вы же сказали – не понадобится.

– Не понадобится в указанный вами срок.

– Тогда...

– Понадобится позже.

– К-когда позже?

Он называет дату.

Думаю, что такое квинтиллион...

Невзятые ключи

– Ключи не берите.

– А?

– Ключи от квартиры не берите, говорю.

Меня передергивает. Понимаю, что...

– ...я сюда не вернусь?

Он не отвечает. Уже знаю, он не ответит.

А... паспорт?

– Он мотает головой, ту же спохватывается:

– Не... а впрочем, возьмите... пока возьмите.

Чего ради я вообще ему поверил, что-то не похож я на человека, который вот так с ходу верит первому встречному, да не встречному, а тому, кто появился в квартире не пойми как и говорит:

– Пойдемте.

– А?

– Скорее. Собирайтесь.

Хочу спросить – куда.

Понимаю, что он не ответит, по крайней мере, сейчас.

Собираюсь. Хватаю какие-то тряпки из шкафа, спохватываюсь:

– Надолго собираться?

Он кивает:

– Насовсем.

Вытаскиваю из-под кровати выдавшую виды сумку, вытряхиваю оттуда какую-то труху...

– Не понадобится.

– А?

– Не понадобится. Одежда...

Фыркаю:

– И в чем ходить прикажете?

– У вас всё будет... будет.

Оглядываю комнату.

– Книги возьмите.

– Книги?

– Ну да.

Собираю с полок библиотеку, оставшуюся еще от родителей.

Вот это не берите.

Он заглядывает в сумку, отбрасывает том чего-то там, не успеваю заметить – чего.

Поворачиваюсь к столу:

– Ноутбук?

– Диск снимите. И с собой возьмите.

Подчиняюсь. Нехотя. Начинаю сомневаться.

Он волнуется:

– Поторопитесь.

Смотрю в его глаза. Абсолютно черные глаза, без белков, без радужки, много чего – без.

Догадываюсь:

– Здесь... будет что-то плохое?

– Да.

– А другие люди...

Первый раз слышу в его голосе раздражение:

– Я что, весь город должен вытаскивать?

Понимаю, что ничего он нам не должен.

– Штору возьмите.

– А?

– Возьмите штору.

– Обе?

– Одной достаточно.

Делать нечего, снимаю штору, бросаю в сумку.

– Пойдемте. Скорее же...

Он распахивает окно, шагает на подоконник. Меня пере-дергивает:

– Вы... вы что?

– А что такое? А, ну да – хлопает себя по лбу, – вы же в двери ходите... пойдете... скорее...

Спешу за ним.

Думаю, что всё-таки должно случиться.

Ничего, узнаю...

Идут часы

– Я не чувствую власти.

Это король говорит.

Король, император, вождь, самодержец, правитель – называйте его, как хотите. Мы его по-своему называем, по-вашему переводится как король.

Вот король и говорит:

– Я не чувствую власти.

Хочу ответить – ваше величество – не отвечаю: знаю, никакое это не величество, власть не у него, даром, что его короновали – у кого-то другого власть.

У кого-то...

– У кого?

Это король спрашивает. Который на самом деле не король.

– У кого настоящая власть? – его голос повышается, – я первым вошел в святилище в первый день нового года – почему я не чувствую власти?

Откашливаюсь:

– Здесь может быть только одна причина: кто-то вошел до вас.

– Кто? Уж не хотите ли сказать, что мои соперники научились перемещаться во времени?

Хочу сказать, что все его соперники давно лежат в сырой земле, обескровленные и обезглавленные.

Не говорю.

– Так кто же вошел в комнату вперед меня? Кто, черт побери?

– Я обязательно выясню это.

– Выясните. Обязательно. И как можно скорее, вы слышите меня? как можно скорее!

Хочу поклониться, тут же спохватываюсь:

– Часы.

– Что часы?

– Помните... когда вы приближались к святилищу – шли часы?

– Да что им еще делать, как не идти...

– Часы. Они шли. Большие такие. Напольные. С маятником.

– И?

– Они прошли мимо вас. В святилище?

– И что?

Король (который не король) смотрит на меня, вижу, и правда не понимает, ну часы и часы, мало ли где часы идут, на то они и часы, чтобы идти...

Часы...

– Они вошли в святилище вперед вас.

– Уж не хотите ли вы сказать, что...

– ...похоже, что так.

– Полный бред. Это же... часы.

Пожимаю плечами – и что, что часы. Как будто часы не могут опередить короля. Почему-то мы привыкли не замечать часы, как не замечаем бабочек, или собак там, или тени – ну влетела бабочка в святилище вперед короля, ну и что...

Вот вам – ну и что.

Маячит перед глазами картина из прошлого, король приближается к святилищу, мимо идут часы – напольные, маятником, мимо, мимо, в зал...

Король пристально смотрит на меня, щурится:

– Найдите мне эти часы.

– Будет исполнено.

– ...как можно быстрее.

– Я убил их.

Повторите.

– Я их убил.

Показываю обломки шестеренок, пружины, стрелки...

– Дайте-ка глянуть...

Протягиваю королю останки часов. Король...

(...который не король...)

...недовольно присвистывает.

– Хоть бы подготовились, что ли, прежде чем врать...

Понимаю, что проиграл:

– А... что такое?

– А сами посмотрите. Ничего, что вот этих штук в часах всего две? Куда вы мне три суετε?

Мир падает из-под ног.

Открываю рот, не успеваю ничего ответить, меня бьет гром среди ясного неба:

– Уведите его!

Стражники берут меня под руки. Не чувствую под собой ног, пол зловеще покачивается. Мимо идут часы, потом еще одни часы, это они могут – идти...

Часы...

Что-то много их тут, часов...

Сильно много...

Часы обступают, оттесняют меня от стражников, сильнее, сильнее, кто-то орет – держи-держи-держи, поздно, ме-

ня уже и след простыл...

Часы заталкивают меня в карету, карета расправляет крылья, взмывает в воздух...

– Вы в безопасности.

Смотрю на часы.

Большие.

Напольные.

С маятником.

Часы говорят мне:

– Вы в безопасности.

Будильники, будильнички, будильничишки вокруг меня хлопочут, что-то подсказывают, а, ну да, конечно – низко кланяюсь его величеству.

Его настоящему величеству...

– Отставьте, отставьте... вы в безопасности...

Слышу обрывки фраз – люди в городе присягают новому королю...

Реконструкторы

Кто-то скажет, что наша работа никому не нужна.

И я с ним соглашусь.

Вот если кто-нибудь подойдет ко мне и скажет – ваша работа никому не нужна, – я пожму плечами, кивну – так оно и есть.

Но если меня спросят, чем я занимаюсь – я спокойно отвечу.

Вот так вот соберемся все на семейном ужине под Рождество, и мой дядюшка, старинный замок, и тетушка моя, маленькая церквушка, и почтенный дедушка, он у нас королевский дворец... Вот так соберемся все, и какой-нибудь родственник по какой-нибудь линии, собор какой-нибудь меня спросит:

А вы чем в жизни занимаетесь?

И тетушка уже мне шепчет снизу (я на два этажа выше): скажи, что ты счетовод, скажи-скажи-скажи, а я и скажу:

А я восстанавливаю людей.

И все давай охать-ахать, да что ж такое, да вот у нас тут местечко управляющего есть, да вот в каком-то городке маленьком вакансия замка свободная...

И я поясняю:

Нет-нет-нет, не надо мне никаких вакансий, мне нравится то, что есть.

Да-да, вы не ослышались.

Мне нравится.

Знаю, что нас таких на весь мир полтора замка наберется, которые людей реставрируют. Правильно, люди же не нужны никому, эка невидаль – люди, кому они нужны.

Нам нужны.

Вот не далее как вчера нашли человека. Еще одного. Нашли случайно, хотели строить новый дом, смотрят – а на территории постройки человек.

Спасибо строителям – вызвали нас.

А знаете, как это трудно – восстанавливать человека? А я знаю. Не понаслышке. Сначала нужно собирать по косточкам, по косточкам, а ведь половина моих современников вообще не знает, как должен выглядеть человек, соберут так, что мало не покажется. Косточки хрупкие, за них возьмешься – они рассыпаются в прах, их надо обработать специальным раствором, чтобы не рассыпались.

Но это только начало. Потом нужно по специальной программе восстановить лицо человека, узнать, как человек выглядел. А там уже из глины лепить, из глины, по косточкам, по косточкам, каждый изгиб, каждый штрих, каждую морщинку на лице...

Это всё обычно я делаю. На пару с Крепостной Стеной, у неё вообще здорово получается. А Часовая Башня в это время ищет историю человека. Часовая Башня в интернете вообще все, что хочешь найдет.

Там уже по истории посмотрим, во что человека одеть, кто в какие века жил, на кого тогу надеть, на кого доспехи, кому галстук повязать. Это Крепостная стена делает, вот где талант.

Вот теперь человек живой.

Ну, почти.

Теперь самое сложное осталось. Это уже моя работа будет. Там черточку, тут штришочек, тут красочкой, вырисовать глаза, чтобы смотрел, как живой...

А?

Нет.

Почему-то они у нас не выживают.

Сам не знаю, почему.

Может, что-то не так делаем.

Еще разберемся...

Посередке

Сегодня я нашел человека.

На шоссе.

То есть, не совсем на шоссе, на обочине. Я ехал на своем джипе... то есть, джип на самом деле не мой, ну, считайте, что мой... Не мой не в смысле не говорящий, ну, в этом смысле тоже, а...

...короче.

Я нашел человека.

На шоссе.

Я ехал на джипе, а он стоял на обочине.

Замахал рукой.

Я остановился, распахнул дверцу, мы обнялись, как старые друзья.

Хотя видели друг друга первый раз.

Человек оказался молодым парнем лет двадцати, он назвался Андреем. Раньше он учился на врача до того, как всё случилось...

...случилось что?

Поначалу я еще думал, что люди ушли.

Тогда.

В то утро.

Еще думал, что какие-то учения, или что там может быть, или... или... или...

Честно сказать, я и сейчас так думаю. Что это учения какие-нибудь или не знаю, что. Быть не может, чтобы на всей земле остались только мы двое, я и Андрей.

Всё ещё надеюсь, что встретим на обочине дороги еще кого-нибудь.

Никто не встречается.

Сегодня поссорились с Андреем.

Ну как поссорились... не порешили, как искать людей, или сидеть на месте, в доме в каком-нибудь и рассылать сигналы, или ездить по свету. Я говорил одно, Андрей – другое, да какая разница, кто что говорил, а потом Андрей ушел, вот так, хлопнул дверью, ушел в ночь, и сам не знаю, какого черта поперся за ним, орал что-то, что нельзя так, что надо держаться вместе, и сам не понимал, почему надо, но – надо...

В детстве мечтал, чтобы из города ушли все люди, и чтобы можно было ходить по магазинам и брать всё, что понравится.

А вот сбылось.

Сказка даже какая-то такая была про мальчика, который один остался и обрадовался. А потом ему страшно стало, он заплакал и проснулся.

А у меня как-то проснуться не получается.

Нас оказалось пятеро.

Поискали по Интернету, нашли пятерых.

Мы с Андреем.

Девушка какая-то во Флориде.

Мексиканец какой-то, назвался Хуан.

Еще один какой-то ХХХ77, на бота похож.

Нашли себе особняк, я такие раньше только в кино видел.

А тут в нашем городе.

Я, оказывается, город-то и не знаю...

Хуан сегодня в Сети про конец света заливал, уж лучше молчал бы...

А сегодня Андрей пропал.

Из-за меня пропал.

Нет, вы не думайте, я его не убивал, ссорились мы с ним, конечно, пару раз, но не настолько, чтобы друг друга поубивать.

Мы тут моторную лодку прикупили... ну как, прикупили, из магазина вынесли, теперь же у нас так все делается. Всё думаю, что будет, когда люди вернуться, зададут нам жару...

(...хотя уже знаю, не вернуться...)

...это случилось, когда я...

...ищу опору, а опоры нет, ищу лодку, а лодки тоже нет, ищу воздух, а воздуха – и того нет...

Кто-то хватается подмышки, сильно, больно, куда так тащишь, с-сука, ты мне руки выломаешь на хрен...

– Ты... ты чего, а?

Смотрю на Андрея, думаю, а правда, я чего.

– А... а лодка...

– Утонула к хренам собачьим лодка, кто ж так рулит-то... – Андрей косится на меня, – плавать не умеешь, что ли?

– А то...

– Вот так, на лодке он кататься пошел, плавать-то хоть бы поучился сначала... Я тут сам чуть не утонул на хрен, тебя вытаскивал...

Меня передергивает.

– Андрей, ты...

Андрей исчезает.

Нет, не уходит.

Просто.

Был, и нет.

Хуан опять говорил что-то про конец света, я его забанить обещал, если не заткнется.

Конец света...

Воспоминания откуда-то ниоткуда, из детства откуда-то, бабушка говорит, а конец света будет, а хорошие попадут в рай, а плохие в ад...

Я спрашиваю:

– А какие не так, не так?

Бабушка смеется.

– Посередке останутся.

Переворачиваюсь на другой бок, пытаюсь уснуть.

Что-то бьется в голову, подбрасывает на месте.

Посередке.

Посередке.

Посередке...

Рассказал остальным.

Им не до меня.

Хуан перебрался к девке этой во Флориде, им теперь совсем не до меня.

Вика умерла.

Так девчонку звали.

Умерла по-дурацки, купаться полезла, а плавать не умеет, и утонула к чёрту.

А Хуан это видел, а Хуан плавать не умеет, а Хуан что сделает...

НОВОЕ СООБЩЕНИЕ

ОТ: ХУАН

Esto es todo por mí, por mí lo hizo. Quién de nosotros hace algo bueno, caera en el paraíso, ella quería que yo entraría en el paraíso, ella quería que yo la había salvado y ha caído en el paraíso, ella...

Это всё из-за меня, это она из-за меня сделала. Кто из нас сделает что-то хорошее, тот попадет в рай, она хотела, чтобы я попал в рай, она хотела, чтобы я её спас и попал в рай, она...

Еще раз читаю без перевода, красивый все-таки язык, ха кайдо эл парайзо элла, как произносится, не знаю, всё равно красиво...

Ночь не спал, всё время казалось, ходит за окнами кто-то, смотрит, подкарауливает. Да и то сказать, это уже не наша земля, кто-то пришел на эту землю после нас, или придет, вот и намекает нам, хороши уже землю топтать, пора и честь знать...

Кто-то...

Кто-то...

...выглянул в окно, там никого не было.

Хотя... кто сказал, что я вообще их увижу.

Их.

Кого их.

По-хорошему здесь еще должна быть история про то, как кто-то из нас совершил плохой поступок, ну там убил кого или бабушку через улицу не перевел, или еще что – и пропал. Попал в ад, то есть. Только такой истории не будет. Мы тоже не дураки, да и убивать некого, и бабушек нету, чтобы через улицу перевести...

Я предложил нам всем троим встретиться.

Сказали, что идея хорошая, как-нибудь подумают.

Я уже знаю, что это значит.

Никогда.

А надо что-то делать. Что-то. Нет, жизнью рисковать, чтобы друг друга спасали – это не выход, этот номер у нас не пройдет.

Я его нашел.

Этого.

Который три икса семьдесят семь.

Он, оказывается, в Казахстане живет.

Я до него доехал.

Он, оказывается, на инвалидной коляске. Дом у него большой, то есть, не его дом, там раньше большая семья жила,

а этот под ником три икса какой-то там родственник хозяйина. В доме все исчезли, когда всё случилось, а этот, под ником, остался.

Он сказал, что он Харитон.

Правда или нет, не знаю.

– Да что ты, в самом деле, сказал бы сразу, что у тебя с ногами того, мы бы с Андреем приехали, чего ты тут сам по себе кочевряжишься...

Это я уже.

Стали думать, что нам делать.

Как в рай попасть.

Сделать, чтобы кто-то из нас в беду попал, а мы спасли – не вариант, там разберутся, что мы обманули...

Дворцы или храмы какие-нибудь восстанавливать – тоже не вариант, кому они нужны, дворцы и храмы.

За зверушками какими ухаживать, так зверушек не осталось уже. Кстати. Да. Зверушек не осталось. Ушли куда-то. Ушли.

Что еще...

Не знаю, что еще.

– А ничего.

Это Харитон говорит.

– А ничего.

Смотрю на него, не понимаю:

– И... что делать прикажешь?

– Жить.

– Жить? Здесь?

– Ну да. Еще людей найдем... землю распашем... жить будем...

А потом Харитон исчез.

Ну, не Харитон, не знаю, как его на самом деле звали.

Интересно, куда...

Коллапс

Сегодня я понял, что нас осталось двое.

В пещере.

Вчера еще надеялся на что-то, ну мало ли, может, затесался кто.

А сегодня понял окончательно.

Нас два человека осталось.

Остались. Не знаю, как правильно.

Почему-то меня уже не волнует, сколько осталось людей.

Меня волнует, сколько осталось воздуха.

А воздуха осталось мало.

Я это чувствую.

В пещере.

В пещере...

Ну да, я называю наш мир пещерой.

Хотя я помню время, когда он еще не был пещерой.

Помню.

Тогда он назывался Пан. Что значит – всё.

Если встать на перекрестке и поднять голову, можно увидеть луну высоко над головой.

Если посмотреть вбок, можно увидеть, как поднимаются во все стороны от тебя стенки огромного шара, внутри кото-

рого тянутся дома, дома, дома.

Только поднять голову не получится.

Потому что на перекрёстке поток машин.

Движение плотное.

Было.

Теперь нет.

Теперь там вообще ничего нет.

Нас двое.

Ну, это я уже говорил.

Я и...

...и кое-кто еще.

Кому лучше на глаза не попадаться.

Сегодня я добрался до оружейного магазина, прихватил себе парочку пистолетов, и патронов побольше. На тот случай, если на меня нападут.

Да, вы не ослышались.

Нападут.

Нет, человек там один. Там, где-то через несколько домов.

Но кроме нас двоих здесь есть еще кое-что.

Ну, тут, наверное, надо о себе рассказать. Так, вроде, предполагается, что герой должен рассказать про себя. Я...

...а что я?

А я вот... я мечтал долететь до Луны.

Ну, вот наш мир, а в центре него Луна. Если сделать ка-

кие-нибудь крылья, можно добраться до Луны.

Я делал крылья. Еще в детстве, прыгал с этими крыльями с крыши, сломал себе ногу, плечо вывихнул, было дело, да.

Потом учился на инженера, потом снова делал крылья, снова падал...

Или кончай фигней заниматься, или вон пошел, чтобы я тебя не видел больше.

Это отец говорил.

А?

Нет, крылья так и не сделал.

Там другое что-то надо было.

Не крылья.

Вот еще обо мне.

Мне часто снились миры. Странные миры, чужие миры. Нет, не как обычно снятся полости, в которых другие города или другие страны, а совсем чужие миры. Миры, в которых полость настолько большая, что не видно её границ...

...нет, что я говорю, что я несу вообще. Там не было никаких границ, одна нескончаемая полость и сияющие огненные шары, которые разлетаются во все стороны.

И что?

И ничего.

Просили рассказать о себе, я рассказал. А про всё остальное и рассказывать неинтересно, где родился, где учился, где женился, да нигде не женился, не успел.

Потому что всё случилось.

Я видел, как это началось.

Даже на видео снять успел.

Могу показать.

Собственно, тогда я еще толком не понял, что случилось – просто земля надо мной (там, слева) пошла трещинами, трещинами, сложилась, схлопнулась...

Тогда я еще не понял, что случилось.

А что я все о себе да о себе...

Давайте еще про кого-нибудь расскажу, все-таки в нашем мире не я один живу.

Про Луизу, например.

Была такая. Луиза. Луиза из маленького городишечки в столицу приехала, пробиться пыталась, ну да много их приезжает и пробиться пытается. Ну и не получилось у неё ничего, конечно, поначалу, поначалу мало у кого получается, она там стаканы в каком-то баре мыла, а еще Луиза туфли себе хотела, знаете, чёрные такие, лаковые, с золотыми пряжками, они в «Парадизе» продавались, только с зарплатой Луизиной к «Парадизу» не то, что подходить, смотреть в его сторону нечего. Луиза еще сумочку себе хотела, и много чего Луиза себе хотела, Луиза молодая еще в бесформенном пальто ходить, которое как мешок из-под картошки, это тетя Таня подсунула, ах, ах, видите ли, фигура должна угады-

ваться, ну, у тётки Тани такая фигура, что ни под каким балахоном не угадается, а Луиза молодая еще, и...

...это я про что вообще.

Ну да.

Про Луизу.

Я же не один жил в мире, которого больше нет.

(Хороший мир был, Пан назывался)

Тут еще люди были. Потом еще про кого-нибудь расскажу, много людей было.

Впрочем, что я все про людей да про людей, лучше я расскажу про то, что случилось...

– Вы понимаете, что процесс уже необратим?

Это я сказал.

На деловой встрече.

В ответ услышал...

...да ничего я в ответ не услышал.

Многозначительное молчание.

– Наша планета сжимается всё быстрее.

– Да, я в курсе последних событий.

Это моя собеседница. Черные лакированные туфли с золотыми пряжками. Больше ничего не помню.

Этот процесс можно остановить, если установить противовесы.

– Мне-то зачем об этом говорите?

(Лаковые туфли выражают нетерпение)

– Ну... нам нужны средства на реализацию проекта.

– И сколько же вам нужно?

Показываю смету.

Это я знаю, когда на встречу идешь, надо смету показывать.

Она смотрит на смету.

Лакированные туфли с золотыми пряжками.

– Что же... большое спасибо, мы вам перезвоним.

Уже знаю.

Не перезвонит.

Не сдаюсь:

– Да вы хоть понимаете, что если мы этого не сделаем, тут всей планете хана будет?

Многозначительное покашливание.

– Мы. Вам. Перезвоним.

Твердь.

Ненавистное слово, вобравшее в себя всю нашу боль и отчаяние – т-в-е-р-д-ь.

Т-в- (давят согласные буквы) -е- (прорывается просвет воздуха) -р-д-ь- (снова согласные окружают, давят, душат...)

Т-в-е-р-д-ь...

Луиза волнуется.

Еще бы Луизе не волноваться, переговоры все-таки, да не какие-нибудь, а важные.

Луизе не по себе, Луизе стыдно, за туфли свои стоптанные стыдно, за юбочку свою задрипанную... Хотя вроде переговорщикам на это наплевать с высокой колокольни, на юбочку Луизину и на туфли тоже.

Луиза идет к доске, на доске всё расписывает, сколько денег на проект нужно, заказчики слушают.

Заказчики...

Слово-то как звучит...

Заказчики спрашивают:

– Сколько вам нужно средств?

Луизу передергивает. Она же только что все расписала, по полочкам разложила, а они опять...

– Сколько?

Ну, вот же... а нет, не об этом спрашивают – а сколько самой Луизе надо.

Луиза замирает, Луизе боязно, еще бы не боязно, назовет слишком много – не видать ей денег, как своих ушей, назовет слишком мало – потом всю жизнь локти кусать будет...

Сколько же, сколько...

Думай же, думай...

Заказчики повторяют:

– Сколько?

Луиза называет цену.

Сама замирает от собственной наглости, это ж надо ж было такое запросить, это сейчас Луизу за дверь выставят, и правы будут.

Ну, может, еще поторговаться получится...

Может быть...

Заказчики соглашаются.

Вот так.

Сразу.

С ходу.

Луиза мысленно кусает локти, чер-р-р-т, надо было больше запросить...

Да что я вам все про Луизу да про Луизу, я же обещал про кого-нибудь еще рассказать.

Вот. Ну, хотя бы... ну... м-м-м-м...

А вот.

Про мальчика.

Как его зовут?

А не знаю.

Сколько ему лет?

Тоже не знаю.

Ничего про него не знаю.

Вихры торчат. Курточка зеленая.

– А у вас рубля не будет?

Это он спросил.

Вспыхиваю:

– А рожа не треснет?

– А я вам штуку одну покажу...

– Железку ржавую? Или крысу дохлую? Или еще чего?

– Да не... а вот, смотрите... а айдате за гаражи.

Иду за гаражи, сам не знаю, зачем, тут-то меня и прихлопнут за гаражами...

– А вот смотрите...

Смотрю на ржавую железку, м-да-аа, так я и думал...

А вот где эта штука стоит, там земля сжимается.

Киваю:

– Ну-ну.

Сейчас скажет, что эту штуку пришельцы подкинули, или еще чего...

– Не верите?

– Да верю, верю.

Да вижу, не верите! А такая в Нижгороде была, когда там земля сжалась, и в Улюповке была, мне пацаны рассказывали!

Киваю. Хочу дать пацаненку рубль, чтобы отвязался, тут же спохватываюсь...

...когда земля сжалась...

– Парень... ну-ка давай, дёрнем из земли штуку эту...

Штука поддается удивительно легко. Отряхиваю от земли, иду к машине, пацаненок бежит за мной, бормочет что-то про рубль, пошли, пошли, парень, я тебе этих рублей сто штук дам, пошли со мной, в полиции покажем штуку эту... при обнаружении подозрительных предметов...

Распахиваю дверцу машины.

Мальчишка замирает.

– А... а мама сказала, в машину к незнакомым...

Меня передергивает.

– Так будем знакомыми.

Называю свое имя. Мальчишка забирается в машину, куда на переднее сиденье попер, детям нельзя, ну и что, что папа твой тебя так возит, вот пусть папу твоего и арестовывают ко всем чертям, а мне такого не надо...

Выруливаю на шоссе, надо бы не забыть, напомнить пацану, чтобы с незнакомыми не садился, даже если они имя свое назовут...

Черт...

Стрелка показывает пустеющий бак – чер-р-р-рт...

Поворачиваю к заправке.

– Погодь, пацан...

Выхожу. Парень кричит мне что-то вслед, а вы мне жвачку купите, ой, пацан, знал бы ты, что не до жвачек сейчас, и ни до кого, ни до чего...

Огненный шар.

Грохот.

Мир летит кувырком.

Последнее, что помню – обломок моей же машины врезается мне в руку...

А?

Да не, вы за меня не бойтесь, я живой остался.

Я вот до сих пор не знаю, или эта штука сама по себе взры-

валась или кто-то машину мою заминировал, хотел свидетелей убрать...

Что не видел, врать не стану...

– А где я там жить буду?

Это Луиза спрашивает.

Заказчики отвечают. В доме. Специально для Луизы построят.

– А комнат сколько?

Заказчики говорят: десять.

Луизе мало, хочет двадцать. И чтобы камин был. И не один.

Заказчики говорят – будет сделано.

Луиза спрашивает, когда можно будет переехать. И вещи свои перевезти. Вещей-то у Луизы как звезд на небе, одних сумочек две тысячи штук, это не опечатка, две тысячи, вот они все у Луизы по полочкам стоят, а на полочке ниже туфли стоят под цвет сумочек, это в прошлом году так модно было, а в этом году уже не модно так, только Луиза про то еще не знает.

Заказчики говорят, пока переезжать рано.

Снова дают железные штуковины и координаты.

Луиза подходит ближе, ближе подходить страшно, от них плесенью воняет, а если сильно близко подойти, так и током шибануть может...

А сегодня я достал-таки до Луны.

Нет, крылья не сделал, нет.

Луна упала, вот я её и достал.

Грохоту было, скажу я вам, много было грохоту.

Ну и, конечно, жертв было много, жертвы уже никто не считал, их и так каждый день всё больше и больше.

Грохот.

Я падаю на потолок, потолок рушится мне на голову.

...оживаю.

Выплываю пыль, пыль, пыль, чувство такое, что все здание превратилось в пыль, которая забила мне в легкие.

Прихожу в себя.

– ...на-а-а-а!

Что-то орут там, в конце улицы, понять бы еще, что...

– Лу-у-у-на-а-а-а-а!

Что Луна, почему Лу...

А-а-а, вот оно что...

Луна.

Бегу в конец улицы, даже не успеваю спохватиться, на месте у меня кости или не на месте.

Что вам еще рассказать?

Как за мной охота шла, потому что слишком много знал.

Хотя нет, это даже рассказывать неинтересно.

А вот.

Про Хом.

Это они так дом называют.

А свет называют люс.

Это я сразу запомнил. Люс – как люс-тра. Люстра дает свет, а свет по-ихнему – люс.

А они – это...

Я их нашел случайно.

Когда эхолоцировал твердь в поисках новой земли.

Потому что старая трещала по швам.

Тогда и услышал.

Один сигнал.

Один сигнал.

Потом два подряд.

Один плюс один равно два.

Вспоминаю...

А что здесь остается.

Здесь.

В мире, который сжался до размеров крохотного полого шарика.

Только вспоминать.

Сегодня спросил у них, какой величины их полость.

Переспрашивал два раза, все равно думаю, ошибка какая-то.

Бесконечность.

Луиза.

Здесь.

В двух шагах от меня.

На всякий случай сжимаю пистолет – нет, пистолет не нужен, Луиза меня не замечает.

Колотит кулаками в стену в бессильной злобе, срывается на крик:

– Сволочи, сволочи, сволочи!

Хочу спросить, что случилось.

Не спрашиваю.

Понимаю.

Луиза рвет какие-то договора, топчет их ногами, всхлипывает. Обнимаю Луизу, бормочу что-то, ну перестаньте, ну не люблю я, когда женщины плачут, ну...

Получил фотографию их полости.

Их – это я про Хом.

Долго искал края полости.

Не нашел.

Не могу поверить, не могу понять, в голове не укладывается, и все-таки – бесконечность.

Сегодня подстрелил троих.

Нет, не человек, что вы.

Этих.

Друзей луизиных.

То есть, сейчас они ей, конечно, никакие уже не друзья.

Что еще рассказать...

Про город наш.

Ратуша у нас была.

Я там, правда, не был никогда, так что и рассказать особенно нечего.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.